

МОРФОЛОГИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ

С. П. ЛАМБАРДЖЯН

ЕГУ

anna.khizantsyan@gmail.com

Исследование посвящено морфологическому аспекту модусной категории персуазивности. Анализу подвергаются знаменательные и служебные части речи, а также морфологические категории с точки зрения их персуазивного потенциала, т.е. способности выражать значения из семантических областей уверенности/неуверенности информации. Исследование убедительно доказывает, что многие морфологические категории, знаменательные и служебные части речи способны выражать значения из областей уверенности/неуверенности, являются прямыми выражениями этих значений, сигнализаторами сложнейших персуазивных смыслов или же содержат персуазивный компонент в своем семантическом спектре.

Ключевые слова: персуазивность, морфология модусных категорий, персуазивы – знаменательные части речи, персуазивы – служебные части речи.

В современной лингвистике уделяется большое внимание способам и средствам представленности исследуемого языкового явления.

Цель предлагаемой работы – анализ **морфологического аспекта модусной (субъективной) категории персуазивности**.

Под персуазивностью в современной русистике понимают модусную категорию, входящую в число **обязательных** компонентов смысловой структуры предложения; ее формируют два блока значений – **уверенность и неуверенность** (см.: [2], [9], [10] и мн.др.).

Это значит, в частности, что персуазивность признается в качестве категории предложенческого уровня, т.е. в кругу **синтаксических** явлений, а также в **модусном** блоке значений (согласно уче-

нию Ш. Балли) о модусно-диктумной организации смысловой структуры предложения (см. [1]).

Многолетние наблюдения над **персуазивностью** убеждают в мысли, что это дискурсивная («надпредложенческая») категория. Аргументов в пользу ее дискурсивности много; приведем один из самых веских: предложение персуазивно **многозначно**, для точной семантизации требуется гораздо более широкий контекст.

Рассмотрим контексты.

- 1) – Ты уверен, что Петр приехал?
– Конечно, приехал: я только что разговаривал с ним.
- 2) – Ты уверен, что Петр приехал?
– Конечно, приехал; у него обратный билет на сегодня.
- 3) – Ты уверен, что Петр приехал?
– Конечно, приехал; у него сегодня экзамен.

Из приведенных примеров ясно, что уверенность реализована только в примере 1): «Я уверенно констатирую, что Петр приехал; я очевидец».

«Уверенность», представленная в контекстах 2) и 3), основана на косвенных данных; следовательно, это значение из области неуверенности.

Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о том, что персуазивность, будучи «надсистемной», дискурсивной категорией, представлена, тем не менее, весьма богато и разнообразно в разных уровнях системы: лексическом, морфологическом, синтаксическом. Персуазивно «чистым» можно считать только фонетический уровень, так как он ни прямо, ни косвенно не ассоциируется с семантическими полями уверенности/неуверенности. Все же остальные уровни, можно сказать, персуазивно насыщены.

И задача данного исследования – раскрыть некоторые грани морфологического аспекта персуазивности.

Подчеркнем, что когда речь заходит о категории персуазивности, взоры всех авторов обращаются, вслед за основополагающими трудами В.В. Виноградова и его последователей, в сторону вводно-модальных слов типа *конечно*, *может быть*, *видимо*, *кажется* и под.

и модальных частиц *якобы, вряд ли, едва ли, разве, неужели* и под. (см.: [3], [4]).

С этим взглядом трудно спорить, но попытаемся показать, что морфология обладает множеством и других ресурсов как в кругу **частей речи**, так и **категорий**.

Итак: **глагол** в персуазивном освещении.

Глагол представлен весьма богато и разнообразно в выражении значений уверенности/неуверенности. Всю массу глаголов можно разделить на две большие группы: 1) прямо не ассоциирующиеся с уверенностью/неуверенностью; 2) ассоциирующиеся (прямо и косвенно) с персуазивностью.

К **первому** классу можно отнести многие глаголы конкретной семантики: *читать, рисовать, обедать, вышивать* и под. Ко **второму** классу относятся глаголы, в семантическом объеме которых наличествует персуазивная составляющая: *предполагать, догадываться, сомневаться, казаться, колебаться, маяться, метаться, шататься* и мн. др.

Приведенный перечень показывает, что это неоднородная группа. Здесь можно выделить две подгруппы: 1) **глаголы-персуазивы**, первичная функция которых – передача значений из семантических областей **уверенности и неуверенности** (*предполагать, догадываться, сомневаться, казаться* и под.); глаголы, выражающие указанные значения во вторичной функции (*мечтать, надеяться, маяться, метаться, шататься* и под.)

Глаголы-персуазивы (первая группа) служат реализации значений уверенности/неуверенности и именно благодаря этому служат в качестве метаязыка описания при семантизации сигнализаторов персуазивности.

Например: *Может быть, сегодня мы увидим Антона*. Данную информацию можно комментировать следующим образом: ‘*Я не знаю, я только предполагаю, что сегодня мы увидим Антона*’.

Глаголов, выражающих персуазивные значения во вторичной функции, огромное количество. Они отражают самые разнообразные стороны «конкретной» и психоментальной деятельности человека. А во вторичной функции выражают значения уверенности/неуверенности.

Рассмотрим примеры: *мучиться, мерещиться, чудиться*. Приведенные глаголы отражают тяжелые психоэмоциональные состояния, связанные с нервными расстройствами, зрительными галлюцинациями. В их смысловой структуре наличествуют компоненты **неустойчивости, нестабильности**. А эти смысловые доли входят в ядро поля неуверенности.

Подобная картина наблюдается и в семантике глаголов *колебаться, шататься, метаться, маяться* и под. Но данные глаголы выражают значения неуверенности **через колебательные движения**, хотя «итоговая картина» опять приводит к идее **нестабильности, неустойчивости**. В обеих приведенных группах наблюдается состояние **сна-яви**, но в первой группе она, естественно, представлена ярче, четче, чем во второй.

Иная картина представлена в семантике глагола **ревновать**: 'Сомневаюсь, не уверен в верности'. То есть неуверенность основана на эмоции.

Анализ персуазивного потенциала глагола перспективен и в аспекте коммуникативных возможностей: без какой-либо дистрибуции, в изоляции он способен отражать сложные ситуации общения с четко очерченными позициями коммуникантов.

Рассмотрим пару *убеждать/убедить*. Несовершенный вид отражает следующую персуазивную ситуацию: инициатор стремится рассеять сомнения адресата; коммуникация носит длительный характер, исход которой неясен. Совершенный вид отражает иную картину: говорящий одерживает победу над адресатом, заставив последнего принять достоверность его видения положения дел.

Видовая пара *обманывать/обмануть* персуазивно интересна тем, что инициатор преднамеренно навязывает адресату недостоверную картину мира: совершенный вид отражает ситуацию полной победы говорящего в коммуникации (Подробнее: см. [6]).

Существительное в персуазивном прочтении. Данная часть речи также поставляет большое количество персуазивов в русский язык. Здесь можно выделить (условно) две группы: существительные-персуазивы **в первичной функции/существительные-персуазивы во вторичной функции**. Первая группа составляет ядро «персуа-

живной» грани существительного: участвует в экспликации сложных смысловых комплексов, то есть является одним из средств **метаязыка** описания.

Это существительные *уверенность/неуверенность, достоверность/недостоверность, предположение, догадка, прогноз, сомнение* и под. Многие из них, как видно из примеров, отглагольные и отадъективные. К этой же группе можно отнести существительные *определенность/неопределенность, нерешительность, убедительность/неубедительность* и под. В этих существительных персуазивный компонент находится в числе ядерных. Кроме этих «ядерных» существительных есть большое количество языковых единиц, которые вплотную подходят к центру. Это существительные типа *истина, правда, ложь, обман, басня, сказка, легенда, вымысел, домысел, бойка, слух, факт* и под. Конечно, это неоднородная группа. Во многих из них персуазивность представлена и в **прямом**, и в **переносном** значении. В прямом значении слова типа *легенда, сказка, басня* уже содержат сигнал о том, что это нечто недостоверное. Но искомый компонент значения резко «увеличивается в объеме», когда они выступают в коммуникации: байка (байки), слух (слухи), сказка (сказки) – это реакция адресата на информацию, которая свидетельствует о высокой степени недоверия к ее достоверности.

Интересно отметить и то, что в коммуникации многие «члены» данной группы выступают во множественном числе, что отражает усиление перлокутивного эффекта. Так, реакция адресата намного чаще звучит следующим образом: *Не рассказывай сказки/басни/легенды*. И это можно эксплицировать как: *‘Я открыто признаю, что не доверяю достоверности твоей информации’*. Итак, категория существительного (в данном случае – **число**) играет определенную роль в акцентировании персуазивного значения.

Интересно в свете *уверенности/неуверенности* и существительное *факт*. Оно, как известно, ассоциируется с не обсуждаемой достоверностью. И это зафиксировано в психоментальности русского выражения: *Факт – упрямая вещь. Против фактов не поправишь*.

[Диалог между капитаном Дукалисом и журналисткой Зоей]

Зоя: *Я уверена, что Вовчик не утонул. Его убили.*

Дукалис: *Одной твоей уверенности, Зоенька, мало: нужны факты.* /Т/с «Опера. Хроники убойного отдела» т/к ОРТ/

Но и здесь не все столь однозначно. Рассмотрим дискурс из фильма «Гот самый Мюнхаузен»: *Нет, это не факт, это больше чем факт: так было на самом деле.* Или: *Факт факту – рознь.*

Отсюда следует, что и *факт* не дает шансов быть абсолютно уверенным: и здесь можно найти лазейку для сомнения.

Интересны в персуазивном аспекте и существительные типа *шанс, туман, тревога, боязнь, надежда, мечта, маета* и под. Всех их объединяет смысловой компонент из области неуверенности. Но основания для неуверенности разные. В существительных *тревога, боязнь, надежда, мечта, маета* и под. смысловой компонент из области неуверенности обусловлен психоэмоциональными состояниями, порой тяжелыми. В словах же *дым, туман, мираж* и под. можно усмотреть компонент «нечеткость зрительного восприятия». Сравним: *Синий туман/похож на обман.*/В. Добрынин/

Заслуживает внимания и существительное типа *шанс*. Оно отражает картину **полной неопределенности**, но у субъекта есть внутреннее желание на положительный исход. Рассмотрим пример:

[Генерал – подчиненные]

Генерал: *Но есть хоть какая-то уверенность, что преступление будет раскрыто?*

Майор Касаткина: *Уверенности нет, но есть шанс, что преступник обнаружит себя.* /Т/с «Косатка», т/к «РТР-Планета»/

Итак, существительное активно представлено в системе средств выражения уверенности/неуверенности.

Прилагательное. Эта часть речи, как глагол и существительное, весьма богата персуазивными ресурсами. И здесь наблюдаются персуазивы в первичном и вторичном значениях. Приведем «ядерные» прилагательные: *уверенный/неуверенный, достоверный/недостоверный, предположительный, сомнительный...* Персуазивов-прилагательных во вторичной функции (переносном значении) большое количество. Они в основном отражают сложные психоментальные состояния. Главный семантический компонент этих прилагательных – из области уверенности/неуверенности. Рассмотрим примеры:

шаткий, неустойчивый, нестойкий и под. Здесь знания из области неуверенности ассоциируются с движением.

А в прилагательных *мутный, смутный, неясный, туманный* и под. персуазивное прочтение обусловлено нечеткостью в зрительном восприятии. Прилагательные *бредовый, мнительный, подозрительный* и под. отражают психические состояния человека. Прилагательные *надежный/ненадежный, правдивый, лживый* содержат персуазивный компонент, характеризующий личностные качества Я – Эго.

Как видим, и прилагательное – весьма богатая часть речи в плане персуазивности.

Причастие. Эта гибридная часть речи предлагает весьма богатый набор персуазивов.

Приведем примеры: *предполагающий (предполагаемый, предположенный)*; *догадывающийся (догадавшийся)*; *сомневающийся (сомневавшийся)*; *доверяющий (доверявший)*; *колеблющийся, доказывающий (доказавший, доказанный)* и под.

Приведенные примеры ясно показывают, что персуазивный арсенал причастия богат и многогранен. Здесь, как и в случае глагола, большую роль играет категория вида: несовершенный вид свидетельствует о неопределенности коммуникативного результата, а совершенный свидетельствует о победе инициатора, например: *доказывавший – доказавший*.

Залог причастия, как и глагола, персуазивно значим.

Так, причастие *убедивший* отражает ситуацию победы инициатора, а *убедившийся* – признание адресата в принятии персуазивной позиции говорящего как достоверной, соответствующей истинному положению дел.

Местоимение также имеет персуазивную грань, которая, в первую очередь соотносится с **неопределенными местоимениями**. Это обусловлено наличием в их семантике компонента **неясности, неопределенности, нечеткости**, что приводит к неуверенности в представлениях.

Так, местоимение *кто-то, что-то, как-то, когда-то, кто-нибудь, какой-нибудь* и под. свидетельствуют и о неопределенности, и о

нечеткости, неясности в представлениях, что приводит к неуверенности в позиции.

Подчеркнем, что неопределенные местоимения – это «языковое поле», на котором максимально сближаются категории **персуазивности и определенности/неопределенности**.

Весьма сложны и разнообразны взаимоотношения между персуазивностью и **личными местоимениями**: *Я* – это, как известно, позиция говорящего, *ты* – слушающего. Наличие данных местоимений накладывает определенные запреты при реализации того или иного значения из областей уверенности/неуверенности. Так, при наличии предиката конкретного действия высказывание типа *Я, кажется/может быть, видимо читаю* может быть конкретным лишь в случае психических перенапряжений, расстройств, сомнамбулических состояний.

В случае же предиката, физического или психического состояния запреты с реализацией значений из областей уверенности/неуверенности снимаются: *Я видимо/кажется/наверно, заболеваю/ревную*.

Эти высказывания не требуют оговорок, дополнительных условий для обеспечения корректности, т.к. не только «*Чужая душа – потемки*», но и *своя душа*, и не только: *тело* тоже.

Определенные условия требуются и при оценке конкретных действий адресата: *Ты*. В случае наличия предиката конкретного действия высказывания типа *Ты, может быть, наверно, видимо, конечно читаешь* с необходимостью требуют, чтобы общение было *заочным*; и в этом случае на призыв «*Угадай, чем я занят*», говорящий начинает *предполагать*.

Тайных механизмов координации **личное местоимение – персуазивное значение типов предиката** множество, но они, как видим, рассматриваются исключительно на уровне дискурса, а не морфологии, поэтому ограничимся приведенными примерами (Подробно: [5]).

Числительное. Эта часть речи персуазивно «чиста», она не поставляет языковых средств, которые прямо или косвенно соотносятся с уверенностью/неуверенностью говорящего в достоверности информации. Хотя и здесь можно найти ситуации, где наблюдается

идея неопределенности, неуверенности в точности. Например: – *Сколько потребуется средств? – Около миллиона.*

Наречие. Эта часть речи обладает большим арсеналом средств выражения значений уверенности/неуверенности: *уверенно/неуверенно, нестойко, доказательно, мутно, смутно, туманно, убедительно/неубедительно, странно, понятно/непонятно, сомнительно, предположительно* и т.д. Этот ряд можно удвоить, но и приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в широких персуазивных возможностях наречия.

И здесь наблюдаются персуазивы в первичной функции (*предположительно, сомнительно, уверенно/неуверенно, достоверно/недостоверно* и под.) и персуазивы во вторичной функции (*мутно, смутно, странно, туманно, документально* и под.).

Приведем примеры: *Он говорил уверенно. / Андрей вел себя странно, говорил туманно.*

Категория состояния также персуазивно значима.

На сердце было тревожно.

В голове туманно, сумбурно.

Как видим, наречие относится к «персуазивным» частям речи.

Вводно-модальные слова. Когда речь заходит о средствах выражения значений уверенности/неуверенности, взоры лингвистов обращаются в сторону **вводно-модальных слов** и **модальных частиц**.

Вводно-модальные слова как часть речи вызывают ряд проблем. И первая проблема – в каком уровне языковой системы их рассматривать. О них говорят и в **морфологии**, и в **синтаксисе**. Естественно, это, в первую очередь, синтаксическое явление, но и морфология рассматривает их как часть речи. Так морфологическим явлением их признает И.Г. Милославский: «<...> представляется логичным рассматривать в качестве **особой части речи** неизменяемые слова – модальные слова ...» [7: 354].

Как особую часть речи рассматривают вводно-модальные слова и петербургские лингвисты (См. [8: 626]).

Следовательно, в анализ представленности персуазивности в частях речи, можно включить и **вводно-модальные слова**.

Теперь обратимся к «степени важности» вводно-модальных слов как выразителей персуазивности. Они традиционно считаются главными экспликаторами значений уверенности/неуверенности. Интерес к этим средствам резко возрос после основополагающих трудов В.В. Виноградова: «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [3], [4].

Естественно, с представленной устоявшейся точкой зрения трудно спорить, так как единственная роль вводно-модальных слов и модальных частиц в русском языке – это реализация персуазивных значений. Но выражают они данные значения **специфическим образом**: не **прямо** (в первичной функции) или **переносно** (во вторичной функции), а **иначе**. Они не выражают, а **сигнализируют** о сложных персуазивных смысловых комплексах, где персуазивность играет главную роль. Рассмотрим примеры: *Может быть, Анна уехала*. Вводно-модальное слово *может быть* сигнализирует о следующем субъективном блоке смыслов: *‘Я не уверен, так ситуация мне неизвестна; я только предполагаю, что Анна уехала’*.

Субъективная информация сигнализатором которой является *может быть* обширнее, чем диктуемая (объективная): *Анна уехала*.

А в высказывании: «*Вижу, что тут у вас комедия! А может быть, не смеяться, может, плакать надо?!*» /В. Шукшин. До третьих петухов/, *может быть* реализует **категорическое утверждение** в эмоциональной форме: «*Милиционер возмущен разгильдяйством пьяных мужиков и хочет их отрезвить*»; прямое высказывание будет иметь следующий вид: «*Вам не смеяться, вам плакать надо; и не сомневайтесь!*»

Следовательно, вводно-модальное слово *может быть*, которое причислено к выразителям значения из области неуверенности, способно сигнализировать о значении из противоположного лагеря – **категорической уверенности**.

Еще пример: *Кажется, гости заскучали*. Здесь *кажется* сигнализирует о реализации значения: **сомнение в точности понимания ситуации**.

А в предложении-высказывании: *Кажется, вас никто не просил выразить свое мнение!* вводно-модальное слово сигнализирует реа-

лизацию категорического утверждения в эмоциональной форме: гневно утверждается неуместность «включения в контекст» (Подробнее: [5]).

Можно (исходя из многолетних наблюдений) смело утверждать, что любое вводно-модальное слово **биполярно**, способно сигнализировать о смысловых блоках как из области уверенности, так и неуверенности. Причем, именно сигнализирует, а не реализует значения прямо или переносно.

Любопытно отметить и следующее: некоторые из реализаторов значений из области **неуверенности** по семантическим параметрам связаны с областью уверенности: *очевидно*, то есть *очам видно* (самая сильная позиция для выражения уверенности), *видимо* (*видеть*), *наверно* (то есть *нечто верное*).

Итак, анализ персуазивных возможностей знаменательных частей речи показал, что «чистым» является только числительное (и то с оговорками); все остальные части речи широко представлены в средствах выражения и сигнализаторах значений из семантических областей уверенности/неуверенности.

Анализ убеждает в мысли, что такой сложнейший смысловой феномен, как **персуазивность**, не допускает чисто **морфологического анализа**.

Служебные части речи в свете персуазивности.

Служебные части речи обладают большим арсеналом средств реализации персуазивных значений. Наиболее перспективны в этом плане **союзы** и **модальные частицы**.

Союзы. Значения **уверенности** и **неуверенности** реализуются и **сочинительными**, и **подчинительными** союзами.

Наиболее интересными **сочинительными** союзами являются разделительные повторяющиеся союзы *или ... или, то ли ... то ли, не то ... не то*. Они одновременно выполняют две функции – **союзную** и **персуазивную**.

Как и вводно-модальные слова, союзы являются сигнализаторами, а не выразителями значений уверенности/неуверенности. Рассмотрим примеры:

а) *Родила царица в ночь*

Не то сына, не то дочь;

Не мышонка, не лягушку,

А неведому зверюшку. /А.С. Пушкин. Сказка о царе Салтане./

б) То ли снится, то ли мнится,

Показалось что невесть?

То ли иней на ресницах,

То ли вправду что-то есть? /А. Твардовский. Василий

Теркин./

в) Сам порою сомневаюсь,

То ли есть я, то ли нет. /Л. Филатов. Про Федота-стрельца./

г) [Дверь никто не открывал.] Или никого дома не было, или со мной не хотели встречаться, или что-то случилось...

Во всех приведенных примерах разделительные союзы можно заменить вводно-модальными словами:

Может, снится,

Может, мнится ...

Родила царица в ночь нечто непонятное: может, сына, может, дочь...

И союзы, и вводно-модальные слова данных групп отражают ситуацию *Икс*, а в этом случае возможно реализовать только **предположение**.

Из подчинительных союзов персуазивно значимым является условный союз *если*.

Если Антон рассказал/расскажет правду, ситуация нормализуется. Если включает в семантический объем идею выбора: «Может, А, может, не А».

Частицы. Модальные частицы вместе с вводно-модальными словами формируют ядро **сигнализаторов** персуазивных значений.

Изучение модальных частиц – большая многогранная тема, которая не может быть освещена в пределе одной статьи. Остановимся на некоторых аспектах.

Частицами-персуазивами являются *вряд ли*, *едва ли*, *разве*, *неужели*, *якобы*, *будто (бы)*; *мол*, *де*, *дескать*, *чай*, *как бы*, *вроде (бы)* и др. Каждая из единиц данного весьма внушительного ряда модальных частиц являет собой сложнейшие семантические комп-

лексы, где представлены и коммуникативные, и дискурсивные компоненты, но главным из них являются значения из областей уверенности/неуверенности. Покажем сказанное на примере модальной частицы *якобы*.

Якобы Анна рассталась с Андреем. Якобы здесь реализует следующие смыслы: 1) *Не я* – источник информации;

2) *Я сомневаюсь в ее достоверности*;

3) *И тебе советую не доверять ей*.

Как видим, здесь есть и отражение позиции говорящего, и воздействие его на реципиента (*И ты сомневайся!*), и указание на источник информации (авторство).

Синонимичны *якобы* частицы *мол*, *де*, *дескать*, *вроде* и др.

Подчеркнем еще раз, что, как и вводно-модальные слова, рассматриваемые частицы – сигнализаторы (указатели) сложных смысловых комплексов, которые необходимо эксплицировать.

Некоторые из этих модальных частиц **биполярны**: в зависимости от контекста могут указывать на значения как из области уверенности, так и из области неуверенности.

Рассмотрим примеры:

Разве Петр уехал? Я его, кажется, видел сегодня. В данном контексте *разве* сигнализирует о **сомнении** говорящего, недоверии.

Разве так поступают? Разве это честно? В данном контексте имеем дело с риторическим вопросом, то есть утверждением в категорической эмоциональной форме.

Как видим, рассматриваемые служебные слова (модальные частицы) в персуазивном освещении предстают как сложно устроенные смысловые комплексы, раскрывающиеся на уровне дискурса, в этом ракурсе они намного интереснее в общем-то прозрачных знаменательных частей речи. Модальных частиц много, и рамки статьи, естественно, не разрешают рассматривать все их в полном объеме.

Предлоги. Эти служебные слова (хотя хотелось бы назвать их персуазивно «чистыми»), требуют тщательного изучения. Это, в первую очередь, относится к производным (вторичным) предлогам: *около* (*в районе*) *шести вечера*; *в пределах* (*около*) *тысячи рублей* и под. Эти вторичные предлоги привносят значение приблизительности,

неточности, неопределенности, что, естественно, сигнализирует о **неуверенности**. Данная тема также может стать темой отдельного исследования.

Большой интерес представляют и **морфологические категории**.

В исследовании были приведены примеры, свидетельствующие о персуазивных возможностях **числа** существительного, **вида**, **залога глагола**. Широкими возможностями в реализации значений уверенности и неуверенности обладает и категория **наклонения**, но иллюстрация этих возможностей требует обращения к широкому контексту, а в работе хотелось по возможности представить персуазивный потенциал морфологических феноменов в пределах морфологии.

То же можно сказать и о категории глагольного **времени**. И здесь наблюдаются интересные взаимодействия между персуазивностью и временем, но и здесь необходимо обращение к дискурсу (См. подробно: [5]).

Подведем некоторые **итоги**.

Дискурсивная субъективная категория персуазивности широко и многогранно представлена морфологическими средствами, в первую очередь, частями речи; последние выражают значения из областей **уверенности/неуверенности** в прямых, переносных реализациях, могут быть и **сигнализаторами** сложных смысловых блоков, где **ядро** – искомые значения.

Чисто морфологический анализ персуазивности – это дело бесперспективное, так как без обращения к смысловому плану не представляется возможным.

И тем не менее, подобные исследования необходимы, чтобы инвентаризировать возможности единиц того или иного уровня языковой системы (в данном случае – **морфологического**) в реализации значений категорий, входящих в круг дискурсивных, как персуазивности, например.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд. иностр. литературы, 1955.

2. *Белошاپкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1981.
3. *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды института русского языка. – М.: изд. АН СССР, 1950, вып. II.
4. *Виноградов В.В.* Русский язык. – М.: Высшая школа. 1972, изд. 2-ое.
5. *Ламбарджян С.П.* Персуазивность в зеркале антропоцентризма. – Ереван: Лимуш, 2017.
6. *Ламбарджян С.П.* Наблюдения над персуазивной фактурой русского глагола. – Вестник Ереванского университета (Русская филология). №2 (14). Ереван: 2019.
7. Современный русский язык /Под ред. В.А. Белошайковой / ч. Морфология Милославский И.Г. – М.: Высшая школа, 1981.
8. Современный русский язык. Морфология. Учебник для студентов филологических факультетов вузов. С.И. Богданов, М.Д. Воейкова, В.Б. Евтюхин и др. – С-П.: Изд. СПбГУ, 2008.
9. *Филипповская И.А.* Модальность предложения. – Душамбе: ТаджГУ, 1978.
10. *Шмелева Т.В.* Смысл и формальная организация двухкомпонентных инфинитивных предложений в русском языке. – М.: АКД, МГУ, 1979.

REFERENCES

1. *Balli Sh.* Obschchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. – М.: Izd. inostr. literatury, 1955.
2. *Beloshapkova V.A.* Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis. – М.: Vysshaya shkola, 1981.
3. *Vinogradov V.V.* O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke. Trudy instituta russkogo yazyka. – М.: izd. AN SSSR, 1950, vyp. II.
4. *Vinogradov V.V.* Russkiy yazyk. – М.: Vysshaya shkola. 1972, izd. 2-oye.
5. *Lambardzhyan S.P.* Persuazivnost' v zerkale antropotsentrizma. – Yerevan: Limush, 2017.
6. *Lambardzhyan S.P.* Nablyudeniya nad persuazivnoy fakturoy russkogo glagola. – Vestnik Yerevanskogo universiteta (Russkaya filologiya). №2 (14). Yerevan: 2019.
7. *Sovremennyy russkiy yazyk /Pod red. V.A. Beloshapkovoy / ch. Morfologiya Miloslavskiy I.G.* – М.: Vysshaya shkola, 1981.

8. Sovremennyy russkiy yazyk. Morfologiya. Uchebnik dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vuzov. S.I. Bogdanov, M.D. Voyeykova, V.B. Yevtyukhin i dr. – S-P.: Izd. SPbGU, 2008.
9. *Filippovskaya I.A.* Modal'nost' predlozheniya. – Dushambe: TadzGU, 1978.
10. *Shmeleva T.V.* Smysl i formal'naya organizatsiya dvukhkomponentnykh infinitivnykh predlozheniy v russkom yazyke. – M.: AKD, MGU, 1979

ՊԵՐՍՈՒԿՉԻՎ ԿԱՐԳԻ ԶԼԱՔԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ս.Պ. ԼԱՄԲԱՐՋՅԱՆ

ԵՊՀ

Հոդված նվիրած է պերսուազիվ կարգի ձևաբանությանը: Ուսումնասիրությունը ապացուցում է, որ համոզվածության/կասկածի (պերսուազիվ) իմաստները լայնորեն ներկայացված են խոսքի մասերում: Առաջատար է այ հարցում բայը, բայց պերսուազիվ իմաստներ արտահայտում են նաև անունները և մասնիկները: Հոդվածը լուսավորում է մի շարք հարցեր, որոնք ապացուցում են, որ պերսուազիվ իմաստները ունեն ուշադրության արժանի ձևաբանական նկարագիր:

Բանալի բառեր. պերսուազիվ կարգ, ձևաբանություն, խոսքի մասեր, պերսուազիվ իմաստներ-խոսքի մասեր հարաբերություններ:

THE MORPHOLOGY OF PERSUASIVENESS

S. P. LAMBARJYAN

Yerevan State University

The article is devoted to the problem of morphology aspect of semantic category persuasiveness. The author analyzes abilities of parts of speech in expressing the meanings of confidence and doubt.

Key words: persuasiveness, morphology, parts of speech, the meaning of confidence/doubt.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 12 февраля 2024 г., подписана к печати в № 2 (119) 2024 30.09.2024.